

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Золотой венец правительницы
Карфагена, подаренный ей
прекрасным троянцем Энеем,
обладает особой мистической
силой. Но даже через много лет
эта сила не может справиться
с проклятием, уничтожающим
всех владельцев этого
украшения...

Ольга ТАРАСЕВИЧ

Золотой венец Трои

Артефакт & Детектив

Ольга Тарасевич
Золотой венец Трои

«ЭКСМО»

2012

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Тарасевич О. И.

Золотой венец Трои / О. И. Тарасевич — «Эксмо»,
2012 — (Артефакт & Детектив)

Все, кто владел этим драгоценным сокровищем, погибал трагической, иногда – поистине ужасной смертью. Но он так прекрасен, этот золотой венец, которым, согласно преданию, некогда обладала сама царица Карфагена Дидона, получившая его из рук могучего троянца Энея. Венец вызывает у всех страстное желание заполучить его в свои руки. Любой ценой! Даже если это цена человеческой жизни!.. Писательница Лика Вронская, автор детективных романов, приехавшая на отдых в Тунис, неожиданно сталкивается не только с новым владельцем кровавого венца, но и с очередной криминальной загадкой. Бесценное украшение, каким-то образом попавшее в руки простого арабского парня Салаха, исчезло – его украл один из отдыхающих в отеле. А после кражи происходит одно убийство за другим... Лика Вронская пытается подстроить преступнику ловушку, иначе скоро появятся новые жертвы кровавого троянского венца...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Тарасевич О. И., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	26
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Тарасевич

Золотой венец Трои

© Тарасевич О. И., 2012

© ООО «Издательство «Эксмо», 2012

* * *

*Юлии Набоковой, Эдуарду Мазо, Ultra_demonessa и всем
моим любимым читателям, которые всегда меня поддерживают
и вдохновляют*

Пролог

За много лет до описываемых событий...

Интересно, с какого возраста помнят себя дети?

С года-двух? Мне всегда было страшно задавать этот вопрос своим друзьям и подругам. Потому что он возвратил бы меня в тот самый ужасный день, с которого «начинается» моя собственная память, мои воспоминания.

Мне десять лет.

Помню, как давил на плечи ранец. Учебники и тетрадки слегка подпрыгивали при ходьбе. А ручки и карандаши, лежавшие в пенале, наоборот, не звенели. Родители подарили мне классный голубой пенал – «двухэтажный», со специальными резиночками, куда вставлялись ручки.

Жизнь была прекрасна. Я это точно помню! Свежий, чуть прохладный весенний воздух, синее небо, яркое солнце... И так хорошо идти в школу, потому что знаешь: там друзья и не вредные учителя, они рассказывают много нового и интересного, а на перемене можно похрустеть яблоком и шоколадным батончиком, положенными в портфель заботливой мамой. Возвращаться домой тоже здорово. Конечно, придется есть на обед противный гороховый суп или картофельный салат. Зато потом мамочка разрешит полакомиться мороженым, а после того как я сделаю уроки, отпустит меня погулять.

С моей памятью что-то произошло.

Ее словно бы обнулили в тот роковой день.

Моя жизнь начинается для меня с десятилетнего возраста.

Но я точно помню состояние безоблачного счастья. За пару мгновений до падения в ад мне довелось побывать в раю. Там царили такая полная гармония, такая исключительная безмятежность, такой невероятный покой... Когда ты буквально каждой клеточкой своего тела, всеми фибрами души принимаешь жизнь, и она дарит тебе только свет; и ты еще даже не догадываешься, сколько темных туч может внезапно появиться на горизонте.

Просто это было единственное мгновение абсолютного счастья в моей жизни.

Единственный миг счастья за всю долгую-предолгую жизнь...

Я точно не помню, как начался тот безумный кошмар.

Был урок математики. Мне нравился этот предмет и очень хотелось похвастаться самостоятельно решенными задачами. Ведь учительница, задавая домашнее задание, предупреждала: нам всем придется поломать над ним голову. Но я все решила, как обычно, легко и быстро. Кажется, мои мысли вертелись вокруг того, что хорошо было бы пойти отвечать к доске, и...

Нет, я все понимаю. Наверное, террористы (двое сумасшедших придурков, расстрелявших половину школы просто так, не выдвинув совершенно никаких требований!) не материализовались прямо у доски. Может, они ворвались в класс, что-то крича при этом...

Не помню: их возможные действия опять стерлись из моего сознания.

Я бы предпочла забыть кое-что другое. Забыть, как выстрел сносит нашей учительнице математики полголовы и написанное на доске доказательство теоремы покрывается светлорозовыми брызгами.

Наверное, мои одноклассницы и одноклассники кричали от ужаса.

Может, если бы и я заорала в тот момент, мне тоже стало бы легче? Или это только ускорило бы печальный финал?

Не знаю.

Вообще те события запомнились мне как-то отрывочно: что-то врезалось в память намертво, а некоторые моменты, наоборот, стерлись совершенно.

Точно не помню, кричала ли девочка, сидевшая за соседней партой. Ее убили из-за этого истошного визга? Или они убили ее... просто так, потому что у них в руках было оружие, а она сидела прямо перед ними, хрупкая и беззащитная, как и все дети?

Они выстрелили ей в голову.

Я инстинктивно пригибаюсь. Но мое лицо все равно успевает стать мокрым и теплым. На нем – кровь и ошметки мозгов моей одноклассницы. От ужаса все звуки окончательно исчезают.

Эти ублюдки мне что-то говорили? Чего-то требовали?

Не помню, не слышу.

Звуков внешнего мира больше нет. Только внутри, в моей голове, прямо под черепом, почему-то нарастает неумолкающий гул.

Помню, как меня швырнули на пол.

Помню холодок металла – должно быть, к моему затылку прижали пистолет.

Помню, как меня бьют, ботинки у них на толстой тяжелой подошве, бьют в живот, в лицо.

До мельчайших подробностей навечно в мою память врезаются лица этих ненормальных ублюдков. Их носы, брови, бегающие глазки. У высокого мужчины все плечи засыпаны перхотью, на черном свитере отчетливо видна каждая крупинка. Невысокий худой террорист одет в светло-коричневый вельветовый пиджак. Такой же пиджак есть у моего отца, и осознание этого факта кажется мне почему-то более мучительным, чем чья-то смерть и побои...

К сожалению, я помню слишком многое.

Когда закончился весь этот кошмар (оказывается, нас держали в школе больше суток), мои родители в течение какого-то месяца сменили все: дом, город, свою работу, мою школу.

Возможно, они старались устроить мне такую жизнь, где ничто не напоминало бы о тех страшных событиях, которые мне довелось пережить.

Только вот мои бедные родители не знали, что в моей душе, в моем сердце находится неиссякаемый источник боли, исправно вырабатывающий страдание. И этого не изменить сменой ни дома, ни школы.

От страха порою невозможно дышать.

Осознание собственной уязвимости сводит с ума.

Кажется: Господи Боже мой, как же неправильно устроены люди! Мы такие хрупкие: с тонкими черепами, разлетающимися от выстрелов; с мягкими животиками, куда могут бить чьи-то тяжелые ботинки с рифлеными подошвами...

Иногда мне становилось страшно из-за всего вообще.

Ходить по улице, ездить в трамвае, расплачиваться за покупки в магазине – все это пугало.

Любое действие (как, впрочем, и полное отсутствие каких-либо действий) вызывало у меня жуткую панику.

Точно не помню, когда мое измученное сознание подсказало, как освободиться от этого страха.

А ведь это оказалось так просто...

Всего лишь и надо себе представить: в твоих руках – пистолет. И если только кто-то посмеет причинить тебе боль – выстрел снесет ему полчерепа и разбрызгает мозги в радиусе... ну, скажем, километра.

Бах! Бах! Бах-бах-бах!

Постепенно растет воображаемая гора «трупов».

Уже давно мертв наш сосед – его собака повадилась мочиться на любимый куст роз моей мамы.

Мертвы: папин начальник и одна из моих наиболее противных учительниц...

С той поры прошло много лет.

Но до сих пор лучший для меня способ справиться со страхом и волнением – вообразить, что я вижу агонию обидчика.

Я никогда не могу полностью расслабиться, меня все время беспокоит, что кто-то может причинить мне вред.

Мне много раз хотелось завести ребенка – и одновременно никогда не хватало решимости. Все время казалось, что, если у меня появятся дети, с ними непременно произойдет что-то ужасное. Сознательное материнство – это совершенно не для меня...

Конечно, психоаналитик здесь – не помощник.

Я не знаю ни одного человека, которому помогли бы эти психоаналитики – а уж денежки они выгребают у своих клиентов исправно! Даже от бутылки виски больше пользы, чем от всех этих психоаналитиков, вместе взятых. По крайней мере, спиртное на какое-то время действительно избавляет меня и от страхов, и от тревоги.

По большому счету, я уже привыкла жить так, как живу. Но вместе с тем я понимаю: те два сумасшедших эмигранта, расстрелявшие полшколы беззащитных детишек, навсегда расстреляли и мою память, счастье, любовь, покой...

Глава 1

Карфаген, II век до н. э.

Город разрастается быстро.

С каждым днем все выше становятся буро-желтые каменные стены с прорезями бойниц. Появляются новые роскошные храмы, их мраморные жертвенники окружены внушительными колоннами. То здесь, то там возникают многолюдные рынки, великолепные дома знати, бани, площади, арены, театры. И, конечно, все краше становится главная гордость Карфагена – королевская цитадель – Бирса.

Укрепленная, неприступная, внутри она поражает изяществом и благородством убранства. В покоях и обеденных залах стоит самая лучшая мебель: отделанные драгоценными камнями светильники, золоченые стулья и ложи, жаровни самого тонкого литья. Жаровни согревают стылой зимой, а летом так приятно укрываться от зноя во внутреннем дворике и под плеск струй в фонтане любоваться синевой моря, сливающейся у горизонта с голубым небом в одну бесконечную линию.

Теперь уже невозможно и представить, что совсем недавно на этих местах была лишь выжженная палящим солнцем африканская земля, принадлежавшая берберскому царю Ярбе...

– О чем ты задумалась? – участливо поинтересовалась у сестры Анна, расправляя складки белоснежного хитона¹, мягко облежавшего ее тонкую фигуру. – Дидона, ты ничего не ешь, не пьешь. Только молчишь и печально смотришь на море!

Дидона, поправляя золотой обруч, мешавший ее длинным светлым кудрям упасть на лицо, грустно вздохнула.

Что-то случится...

Что-то непременно произойдет – нехорошее и страшное.

Это так же очевидно, как вон та истекающая кровью голубка, умирающая в глубине покоев. Принесенная в жертву богам, она пытается взлететь с мраморного ложа, косится на каменные фигурки Юпитера и Юноны, но в ее белоснежных крыльях нет больше силы.

Анна спрашивает, что случилось.

Как объяснить ей, что едва лишь рассвело, как сердце Дидоны вдруг стиснуло горькое отчаяние?

Нет никаких оснований для глубокой печали, но ей хочется плакать, а еще лучше – укрыться в спальне, натянуть на голову хламиду² и ничего не видеть, ни с кем не разговаривать.

Но ведь ясно же: это не отвратит надвигающейся грозовой тучи.

Такова, должно быть, воля богов, уготовивших ей новые суровые испытания.

– Красивый день сегодня, Анна! Солнце светит ярко, но жара не очень мучительна. – Пытаясь не расстраивать сестру, Дидона мягко улыбнулась, и улыбка придала ее и так совершенному лицу особую красоту. – Знаешь, я смотрю на наш прекрасный город и уже не верю, что совсем недавно мы нареzáли тонкими полосками воловью шкуру, очерчивая участки земли для нашего Карфагена.

– Помню, сказала ты Ярбе, что тебе достаточно и той земли, которую займет шкура вола, а я удивилась! – Анна всплеснула руками, и золотые браслеты, украшавшие ее руки, тоненько зазвенели. – Но ведь действительно, если разрезать шкуру на тонкие полоски, то ими можно охватить кусок земли, пригодный для возведения целого города. И при этом главное условие

---

¹ Женская и мужская одежда, что-то вроде свободного платья различной длины.

² Плотный шерстяной плащ.

будет выполнено: речь идет о земле, которую покрывает одна-единственная шкура. Ты провела Ярбу! Очаровала его, а потом – схитрила!

– Знаешь, я бы предпочла, чтобы Венера погасила пламя любви в сердце берберского царя. Но разве это зависит от моих желаний! Недавно он вновь отправил ко мне гонцов с дарами. Прислал дюжину прекрасных рабынь, а еще – свору гончих псов и расшитый золотом шатер. Ярба помнит о том, что я люблю охоту, и старается угодить мне. Впрочем, он больше напрямую о браке не говорит; делает вид, что уважает мое желание – хранить верность покойному супругу. Однако каждый дар Ярбы все равно пробуждает мучительные воспоминания. Веришь ли, до сих пор все это стоит перед глазами...

Дидона, смахнув слезы, прикусила губу.

В памяти вновь возник образ ее дорогого супруга – Сихея.

Славный воин, богатый царь... Как красив он был на их свадьбе!

Крупные темные кудри выются вокруг загорелого лица, пронзительно-синие глаза радостно сияют, ласковая улыбка обещает молоденькой девочке, одетой в полупрозрачный хитон, все-все, о чем она только могла мечтать, – любовь, почет и уважение, счастливую семью, теплый очаг...

С какой гордостью Дидоне в тот день хотелось смотреть на вчерашних подружек по играм!

Взирайте все, говорил ее сияющий взгляд, какого мужа послали мне боги! Как красив он, высок и строен! Как идет ему пурпурный фарос³, а его котурны⁴, украшенные золотом, так сияют на солнце, что глазам делается больно!

Свадебный пир – как и положено делать для дочери тирского царя – был устроен богатый. Гости уже давно устали возлежать на ложах, ожидая, пока рабы прекратят носить изысканные кушанья и наполнять кубки божественными винами. Но плече всех томилась от ожидания и нетерпения юная невеста.

Сихей... любимый, желанный...

Скорее бы остаться наедине с ним, и чтобы его руки сомкнулись на ее талии, а губы целовали ее – жарко-жарко!

Наконец специальная служанка, приставленная к Дидоне для помощи в приготовлениях к первой брачной ночи, делает знак – пора супругам удалиться в опочивальню, на ложе, усыпанное лепестками белых роз.

И вот уже, освещенная пламенем закрепленных на стенах факелов, Дидона торопится по длинному коридору в свою спальню, торопится, чтобы...

Чтобы вдруг наткнуться на тело мужа...

Сихей лежит в двух шагах от дверей опочивальни.

– Госпожа, что же вы остановились? – недоуменно интересуется служанка. И, заглянув через плечо Дидоны, тут же падает без чувств, сосуд с ароматным маслом выскальзывает из ее рук и разлетается вдребезги.

В полумраке почти невозможно разглядеть кровь, пропитавшую пурпурный плащ мужа.

Но и этого света довольно, чтобы понять: он, только что давший клятву любви, мертв. Вероломно убит, вон – кинжал с золоченой рукоятью, который коварный убийца вонзил в бок Сихея...

Однако даже тогда, при виде тела мертвого любимого супруга, ей еще все-таки было не очень больно.

Все воспринимается как в тумане. Произошедшее кажется дурным сном, от которого вот-вот можно пробудиться. Сомнений в том, что Сихей мертв, нет: его бледное лицо кажется

---

³ Верхний плащ, одежда представителей аристократии.

⁴ Дорогая античная обувь на толстой пробковой подошве.

застывшей маской. Но поверить в смерть мужа все равно невозможно. А потом спасительный обморок словно погружает мир и все его беды в мягкую обволакивающую темноту.

И все-таки настоящие, мучительно-жгучие страдания начинаются позже. Когда становится ясно: кто тот человек, в своих злодеяниях превзошедший всех прочих смертных...

– Наш брат, Пигмалион! Я до сих пор не верю, что он пошел на это, – прошептала Анна, обнимая Дидону за плечи. – Да, после свадьбы в твою пользу отошли бы обширные земли. Но ведь большая часть царства все равно досталась бы ему! Как мог он убить Сихея, ведь он был его другом!

Дидона вздохнула:

– Жадность, алчность и зависть лишили нашего брата рассудка. Я до сих пор опасаясь мести Пигмалиона! Не следовало мне, наверное, грузить на корабли все наше золото и драгоценности. Но я представила себе, что он, убийца, лишивший меня счастья, распоряжается всем нашим отцовским наследством... Итак, что сделано, то сделано. Пигмалион, должно быть, кричал как сумасшедший, когда ему доложили, что мы бежали, а казна опустела! Знаешь, Анна, сегодня мне почему-то особенно неспокойно. Может, брат решил отомстить нам? Конечно, Карфаген стал уже достаточно мощным и сильным, и за крепостными стенами мы легко укроемся от неприятеля. И все-таки я...

Закончить эту речь Дидона не смогла – дыхание у нее перехватило.

Она смотрела вдаль, где синее небо смыкалось с таким же синим морем. Но только теперь между ними явственно различалась нитка плывущих один за другим кораблей. Ветер раздувал их белоснежные паруса, отчего казалось, что корабли приближаются к Карфагену быстро и стремительно.

Соскочив со стула с высокой спинкой и золочеными подлокотниками, Дидона пробормотала:

– Надо позвать свиту и отправиться к берегу. Наверное, Пигмалион узнал, где мы нашли приют, и снарядил корабли, стремясь вернуть себе отцовское золото. Скорее предупредим стражу!

– Конечно, – кивнула Анна и легонько ударила по медному кувшину. В проеме покоев сразу возникла гибкая, тонкая, как тень, рабыня с полупрозрачными плащами-накидками, в которые госпожи облачались для защиты от палящего солнца. – От нашего брата можно ожидать чего угодно!

Подгоняемые попутным ветром, судна быстро приближались к берегу...

– Как много кораблей! Около двух десятков! – прошептала Дидона, щурясь от солнца. Долго смотреть на море было больно: синяя гладь, отражавшая потоки солнечных лучей, блестела, как рыба чешуя. – Стал бы наш брат снаряжать столько людей для того, чтобы умертвить своих слабых, несчастных сестер?

Анна пожала плечами:

– Должно быть, Пигмалион узнал, что стены Карфагена крепки и наша новая земля процветает благодаря милости богов. Ты думаешь, что он много людей снарядил, чтобы нас уничтожить? Но ведь и у Карфагена теперь войска довольно. Хотя...

Дидона сразу же поняла, почему сестра запнулась, и обрадованно улыбнулась.

Корабли подошли так близко, что стали уже видны палубы, а на них – люди, пытающиеся спустить на воду остроносую лодку. Не похожи эти люди на свиту Пигмалиона!

Вот уже причаливает к берегу первая лодка, следом стремительно летит вторая. На белоснежный песок, с опаской косясь на вооруженную луками и мечами тирскую свиту, ступают мужчины в богатых красивых одеждах. Такие короткие хитоны не носят в Тире! А еще между прибывающими путниками выделяется один мужчина... Как он красив! Льняные волосы, голубые глаза, ровный профиль, четко очерченные вишневые губы... Загорелые руки бугрятся

мышцами, прекрасная, крепкая, широкая грудь, узкие сильные бедра, едва прикрытые краем платья. Звенит закрепленный на поясе золотой кинжал.

И вот этот красивый сильный воин идет ей навстречу, держа за руку... маленького мальчика. Ребенок хорош собой, словно Купидон, – пухленький, с золотистыми кудрями. Малыш чем-то похож на воина, но их близость подчеркивает и существующие между ними различия – силу мужчины и трогательную детскую хрупкость...

– Приветствую вас, прекрасные богини! – обратился он к сестрам. – Не могу не восхититься: красота ваша сияет ярче солнца! Я – Эней. Вся наша свита приплыла из Трои. Мы вынуждены были бежать после того, как данайцы разорили наш город. Подскажите, на чьих землях мы теперь находимся? Наши корабли пострадали от бурь и нуждаются в ремонте. Здесь можно остановиться для отдыха? Кто правит здесь?

Мужчина продолжал учтивую приветственную речь, но Дидона уже почти не различала смысла произносимых им слов.

«Эней, Эней, его зовут Эней», – пело ее глупое и уже отчего-то счастливое сердце.

Голова кружилась, щеки полыхали пламенным огнем.

– Конечно же, здесь вы найдете все: и отдых, и воду, – кивнула Анна. – Наши слуги помогут вам починить корабли. Добро пожаловать в Карфаген! Здесь правит моя сестра – царица Дидона. Мы всегда рады добрым гостям. Давайте устроим роскошный пир. Ведь слава Трои этого достойна!

– Да-да, конечно, – торопливо кивнула Дидона, поняв, что ее буквально раздирают противоречивые желания – смотреть как можно дольше в ласковые голубые глаза Энея и одновременно скрыться от гостя подальше, чтобы не оскорбить этой вспыхнувшей страстью памяти дорогого мужа. – Мы устроим пир и с удовольствием послушаем рассказы о ваших странствиях. Хотя, конечно, сначала вам лучше отдохнуть после тяжелого пути. Особенно малышу!

– Это мой сын, Юл. – Улыбнувшись, Эней потрепал мальчика по мягким золотистым волосикам. – Из разрушенной Трои мы пытались убежать вчетвером: я, сынок, моя жена, Креуса, и мой отец, Анхиз. Вокруг все пылало, рушилось... Креуса погибла среди горящих развалин.

– Здесь вы в безопасности. Я попрошу, чтобы рабыни позаботились о мальчике, – произнесла Дидона, втайне испытывая лишь одно желание – поскорее оказаться в объятиях Энея и зачать от него сына, такого же красивого, как Юл. – Мои слуги проводят вас – прохладные удобные покои нашей Бирсы готовы встретить славных странников...

Как и требовал от них учитель ораторского искусства, с которым дочери тирского царя начали заниматься, едва лишь их отняли от груди кормилицы, Дидона вежливо и подробно заверила гостей в искренних намерениях предоставить им кров. А в голове ее вертелось множество указаний, которые требовалось отдать слугам.

Во-первых, надо расстелить в обеденной зале ковры с замысловатыми узорами.

Ложа вдоль длинного стола, на которые возлягут правительницы Карфагена и их гости, надлежит укрыть праздничными пурпурными материями.

Посуду следует поставить самую лучшую, золотую и серебряную, она была изъята из казны Пигмалиона и в обыденные дни не использовалась, а хранилась в специальном покое, охранявшемся дюжиной стражников.

И, разумеется, следует подать лучшие яства – самые разнообразные: и свежие оливки, и жареную оленину, и мягкий хлеб, и сочные фрукты. Юлу, должно быть, по вкусу придутся сладкие лепешки: одна из рабынь – большая мастерица их готовить...

Все – для Энея. Все для... любви?

«Да! Да! – бьется пульс в висках. – Я полюбила его, как только увидела».

Однако есть ли в сердце Энея место для взаимного чувства? Может быть, он все еще тоскует по своей погибшей жене?..

Ответов на эти вопросы Дидона не знала.
Но на пиру глаза ее гостя все сказали ей без слов.
Дидона смотрела в них – они были такими синими, ласковыми, обещавшими счастье –
и не могла наглядеться.
А Эней, утолив первый голод и пригубив вина из золотого кубка, приступил к рассказу...

Боль несказанную вновь испытать
велишь мне, царица!
Видел воочию я,
как мощь Троянской державы –
Царства, достойного слез, –
сокрушило коварство данайцев;
Бедственных битв я участником был;
кто, о них повествуя,
Будь он даже долоп, мирмидонец
иль воин Улисса,
Мог бы слезы сдержать?...⁵

Эней, волнуясь, говорил о том, как данайцы обманули жителей Трои: оставили у стен города огромного деревянного коня, а сами исчезли. «Это жертва, принесенная нам побежденным противником», – решили троянцы и втащили в город тяжеленного коня. В нем же скрывались воины коварного неприятеля. И завязалась битва, победить в которой троянцы уже не смогли, хотя прежде им всегда хватало сил для защиты своего города. Слишком уж неожиданным оказалось нападение. Кто бы мог подумать, что множество воинов уместятся в жертвенном коне!

– Благодарю за приют вас, прекрасные богини Карфагена! Спасибо за пир, за великолепные яства. Теперь же...

Эней соскользнул с ложа и подошел к золотому ларцу, который перед началом пира троянцы оставили у дверей.

Когда гость начал извлекать находившиеся там предметы, по зале пронеслась волна восхищенного шепота.

Сначала Эней вынул расшитый золотом плащ, сиявший ярче самого яркого солнца даже в приглушенном свете факелов. Потом достал шафранный покров для ложа – с причудливыми тонкими узорами, напоминавшими листья аканта.

– Здесь лежит и жезл, в прежние дни его носила Илиона, старшая дочь Приама – царя. Ожерелье из жемчугов, а еще...

Дидона замерла.

Эней приблизился к ней, в его руках переливался и сверкал золотой венец, украшенный драгоценными камнями.

Венец состоял из двух ободков. Выложены они были изумрудами и сапфирами, такими крупными, что разноцветные огоньки пригоршнями рассыпались вокруг, отражая попадавший на камни свет. А между двумя ободками – искусно сделанные фигурки, соединенные словно в хороводе: дивные золотые цветы, бабочки, птицы... Этот райский фигурный сад, отлитый из золота, украшен и многоцветными алмазами...

– Прими же, Дидона, в знак нашей благодарности эти дары, спасенные из великой Трои. – Эней поклонился и осторожно снял с головы царицы золотой обруч, которым та закрепляла

---

⁵ Отрывок из «Энеиды» Вергилия.

тяжелые локоны. – Этот венец прекрасен! И все-таки он недостоин твоей красоты, которая сияет ярче золота и покоряет все сердца!

– Благодарю за дары, досточтимый Эней. Я буду всегда носить этот венец, и...

Она запнулась.

Горячая рука Энея вдруг нашла в складках хитона маленькую ручку Дидоны... и нежно ее пожала!

Влюбленная, взволнованная, царица Карфагена совершенно забыла о недобрых предчувствиях, которые с раннего утра заставляли хмуриться ее тонкие брови.

Она забыла о них, но совершенно напрасно...

* * *

Фонари в парке почти не горят.

В разлившейся, как море, темноте скрывается угроза.

Пронизывающий ветер нагнал на небо облака, и в чернильной мгле ночи не видно даже слабых отблесков луны и звезд. Но темнота сама по себе неопасна. Просто именно теперь в ней затаилась беда...

Быстрее!

Скорее!

Лица Вронская бежит по аллее, ветки хлещут ее по лицу, каблуки вязнут в земле.

Звуков погони не слышно, но от этого только хуже...

В ночном черном безмолвии ее шею вдруг обжигает чужое дыхание, ледяные пальцы стискивают плечи, живот вспарывает боль.

– Ты тоже убивала меня – ножом, острым. Ты резала меня на кусочки. Тварь, тварь! Теперь ты понимаешь, как это больно?!

Лица хочет сказать, что все это было не по-настоящему, лишь в ее воображении. Она никогда в своих детективах не описывала в качестве жертв и преступников реально существовавших людей. Детектив на самом деле вовсе не такой уж кровавый жанр, смакующий жестокие подробности, – наоборот, преступление проходит по сюжету схематично: главное – не преступник, а торжество справедливости.

Она хочет высказать все это, но не может произнести ни слова. От резкой боли у нее перехватило дыхание, в глазах темнеет...

– Лица, Лица! Проснись! Почему ты так стонешь? Солнце мое, просыпайся!

Действительность особенно прекрасна по контрасту со сном.

Лица улыбается устроившемуся в соседнем кресле Андрею, и стюардессе в красном костюме, и проносящимся за иллюминатором ватным облакам.

– Волнуешься из-за того, что нашу Даринку пришлось оставить с родителями? Но ведь это правильное решение. Она и без перемены климата часто простужается, болеет тяжело и долго. А тебе надо отдохнуть.

Бойфренд говорит о дочке «наша Даринка»⁶.

Он сделал ей потрясающий сюрприз: в разгар промерзшего московского декабря увез в жаркое лето. Уже совсем скоро, буквально через пару часов, ей предстоит любоваться тунисским островом, где расположен клубный отель, купаться и загорать.

Да, все в ее жизни изменилось с появлением этого мужчины.

---

⁶ Отец ребенка Лики Вронской – трагически погибший музыкант Влад Резников. См. роман О. Тарасевич «Роковой роман Достоевского»; более подробно о знакомстве Лики Вронской с Андреем Ермоловичем см. роман О. Тарасевич «Подарок Мэрилин Монро», издательство «Эксмо».

Можно больше не бояться, что сломается автомобиль, не переживать из-за множества прочих бытовых мелочей. Андрей всегда рядом, он всегда и во всем ей помогает. Даже умудряется избавить ее от сонных кошмаров, частых спутников автора детективных романов...

– Конечно, я беспокоюсь о Дарине. – Лика взяла Андрея за руку и невольно вздрогнула, как от легкого удара током. – Но сейчас меня все-таки больше волнует другое. Наверное, я слишком быстро написала последний роман, слишком напряженно работала и очень уж глубоко «вошла в образ». Придуманный мною маньяк не отпускает меня, снится каждую ночь. Вот и в самолете подремать не удалось.

– Может, тебе лучше попробовать сочинять книги в другом жанре? Или вообще ограничиться только журналистикой? А что? Будешь писать статьи для своей газеты. Все равно ты уже написала кучу книг, на полке не умещаются. Или слава Дарьи Донцовой тебе покоя не дает?

– Мне не дает покоя творческий зуд. И потом, сочинение романов и журналистика – это разные вещи. Я никогда не откажусь от газеты, потому что, работая в ней, я постоянно встречаюсь с новыми людьми, узнаю что-то необычное. Газета дает мне возможность увидеть жизнь во всех ее проявлениях, я ведь любопытная. Но для газетной статьи нужен в принципе только фактологический минимум. Время сейчас такое – не принято «парить» мозг читателю. Согласись, журналистика очень сильно изменилась со времен перестройки – статьи стали короче, аналитических выкладок и авторских комментариев – меньше. Это называется «клиповое сознание».

– Какое сознание?

– Клиповое: быстрая смена картинок, как в клипе. Представляешь, как человек переключает каналы: посмотрел кусочек одной передачи, там началась реклама – он щелкнул кнопкой и попал на другую программу. То же самое теперь требуется от газеты: информация, которую легко воспринимать. А у меня слишком много различных эмоций и мыслей для изложения их в стандартном материале, мне тесно в журналистских рамках. Зато все это богатство я прекрасно использую в книгах.

– Тогда меняй жанр, – буркнул Андрей. На его красивом лице с «улыбчивыми» морщинками в уголках глаз промелькнуло выражение обиженного мальчика. – На фиг такое творчество, если после него кошмары снятся?! Мне тебя жалко!

Лика пожала плечами.

Конечно, безумно приятно, когда любимый мужчина так сильно о тебе заботится и переживает.

Легко сказать: «Меняй жанр!» Менять, но на что? Фэнтези? Придуманный мир никогда не станет настолько интересным, как судьба какого-либо человека. Нет, это, конечно, не значит, что фэнтези – плохой жанр, есть очень много талантливых писателей, и их необузданная фантазия позволяет им сочинять классные книги. Но лично ей, Лике Вронской, последний бомж интереснее самого прекрасного эльфа. Просто потому, что бомж – живой человек, со своей судьбой, проблемами, страхами и надеждами...

Любовный роман? Отличный жанр, в его рамках можно отобразить прекрасные чувства, отношения между мужчиной и женщиной. Это интересно, трогательно, сексуально. И... и все-таки – слишком тесно. Жизнь человека куда многограннее, чем любовные чувства к представителю противоположного пола. В идеале для полного, гармоничного развития личности любовные отношения должны быть только частью, важной, но все-таки частью жизни. Если любовь становится синонимом бытия в целом, то человек не реализует себя в карьере, не создает столько, сколько мог бы...

– Я считаю детективный жанр самым лучшим. – Лика достала из рюкзака коробочку с леденцами, протянула ее Андрею. – Возьми конфету, самолет снижается, у тебя уши может заложить... Так что, наверное, пока все-таки в моей работе не будет кардинальных изменений. Я делаю то, что люблю и что мне интересно. Я очень надеюсь, что мне удастся этими романами

развлекать людей. Ну а кошмары... У меня теперь есть ты. И мне уже ничего не страшно. Ну, почти ничего.

Андрей вопросительно приподнял брови:

– Почти?

Вместо ответа Лика засунула ему в рот конфету.

Да-да: «почти ничего не страшно». Иногда все-таки у нее возникали опасения, что ее красивый, успешный и внимательный бойфренд, живое воплощение девичьих грез, вдруг исчезнет из ее жизни так же внезапно, как и появился.

Андрей – очень привлекательный мужчина. Такие выразительные лица хорошо размещать на обложках глянцевого журналов или в женских эротических фантазиях.

Его путь в бизнес, как и у всех российских предпринимателей, сложно было бы назвать идеальным. Однако Андрей из всех сил стремился работать честно, хотя это и не всегда было возможно. Стерильной среды обитания не бывает, идеальных людей не существует. Но важно, наверное, само стремление стать лучше. И поэтому Андрей занимается благотворительностью, он всегда готов прийти на помощь друзьям, а уж свою любимую вообще на руках носит.

Все это слишком прекрасно, чтобы быть правдой!

А вдруг скоро, как в сказке, часы пробьют двенадцать – и «Мерседес» превратится в тыкву, а прекрасный принц – в чудовище?..

В конце концов, вокруг столько симпатичных молоденьких девчонок... Конечно, на собственную внешность Лике грех пенять: блондинка с зелеными глазами вполлица, со стройной фигурой. Здоровый образ жизни и позитивное мышление очень способствуют задачам приобретения и сохранения красоты. Однако все-таки тридцать лет с небольшим хвостиком – это не двадцать...

Но все эти мысли надо гнать поганой метлой. Нельзя позволять им пускать корни в сознании. Страхи ослабляют, отравляют, разъедают счастье, как ржавчина.

Надо думать о хорошем. И тогда все будет хорошо!

Лика Вронская с любопытством повернулась к иллюминатору, за которым стремительно приближались голубой лоскут моря, желтый песок пустыни, цепочка зданий, протянувшихся вдоль черной ленты шоссе.

Она смотрела в окно, даже не подозревая, к насколько крупным неприятностям ее несет судьба...

* * *

Центр Туниса⁷ напоминает Париж: изящно спроектированные улицы и бульвары, кафе с вынесенными на улицу столиками, бутики, роскошные гостиницы.

– Мне нравится этот город. Как здесь красиво, правда?

– Я с вами полностью согласна, – отозвалась Кристина Дорохова, машинально отметив: у таксиста, везущего ее из аэропорта, сильный французский акцент.

Впрочем, ни мелькавшие за окнами желтого «Форда» улицы города, ни улыбчивый разговорчивый мужчина, ведущий машину, ее совершенно не волновали.

Мысли молодой женщины вертелись исключительно вокруг черной орхидеи.

Уже скоро, буквально через четверть часа, она увидит «дендробиум блэк черри»! Невероятный, фантастический, с округлыми бордово-черными цветками. Лепестки напоминают зрелую темную черешню – отсюда и название этого вида орхидей.

Ох уж эти черные орхидеи! Редкие дорогие сорта обладают бордово-фиолетовой, до черноты, насыщенностью цвета, но это все-таки не черный оттенок.

---

⁷ Столица государства Тунис также носит название Тунис.

По-настоящему черных (как и голубых) орхидей до сих пор не существует. Несмотря на все достижения науки, не удалось получить хотя бы гибрид, максимально приближенный к этим двум заветным оттенкам.

«Дендробиум блэк черри» упоминается только в научных трудах, где описаны все сорта и виды орхидей, и в редких гербариях. Ни в природе, ни в чьих-либо коллекциях такого растения на сегодняшний день не сохранилось. Почему? Как многие дендры, блэк черри нуждается в периоде холодного сухого покоя. Коллекционеры орхидей долгое время об этом не знали, поэтому имевшиеся у различных людей черные красавицы со временем перерождались. Потепление планетного климата оказалось непереносимым испытанием для природного распространения многих видов.

– Приехали. Мне подождать мадам здесь? – спросил таксист.

В другой ситуации Кристина обиделась бы.

Мадам... не мадемуазель! Неужели ее возраст, несмотря на все косметологические ухищрения, все-таки дает о себе знать?

Однако сейчас она даже не отреагировала на столь почтенное обращение.

Просто жадно пожирала глазами все приметы типичного восточного квартала.

Двухэтажные домики, сохнувшее на веревках белье, оживленно переговаривающиеся темноволосые женщины, галдящая чумазая ребятня, пыль и грязь...

Неужели где-то здесь находится ее прекрасная, роскошная, изысканно-черная «орхочка»?

В это просто невозможно поверить!

«Впрочем, Наташа писала мне, что вышла замуж за тунисца, переехала в эту страну из Санкт-Петербурга. Девушка уже давно увлекалась орхидеями, не оставила она своего хобби и здесь. И случайно увидела «блэк черри», растущую прямо на местных горных склонах. Тунис находится недалеко от Италии, теоретически дендр мог попасть сюда оттуда. – Кристина достала портмоне, задумчиво посмотрела на столларовую купюру. Счетчик показывает тридцатку – в динарах. Интересно, принято ли здесь давать сдачу? – Наташа сфотографировала растение и написала в сообщество любителей орхидей, которое я возглавляю. Когда я увидела снимок, у меня задрожали руки... Я попросила ее прислать дополнительные фото, потом, удивившись, что это действительно «блэк черри», посоветовала девушке аккуратно пересадить растение и начала собираться в дорогу. Но теперь... теперь мне почему-то страшно... Какие-то очень нехорошие предчувствия у меня возникли, и они становятся все сильнее и сильнее...»

Сдачу ей таксист отсчитал, правда, в местных деньгах. А потом еще раз уточнил:

– Я подожду мадам здесь?

Пожав плечами, Кристина кивнула.

Очень у нее почему-то тревожно на душе...

Женщины, стоявшие перед ближайшим домом, замолчали и настороженно рассматривали машину, ее и таксиста.

Да, здесь, конечно, не Мексика или Венесуэла, где убивают за пару долларов. Но все-таки береженого и бог бережет...

Она вышла из машины и быстро зашагала вперед.

– Здравствуйте! Я ишу Наташу. Русскую девушку, она живет здесь. Вот ее адрес. – Удивившись, что большинство женщин понимают английскую речь, Кристина расстегнула сумочку и достала блокнот, где были записаны координаты счастливой обладательницы «блэк черри». – Пожалуйста, помогите мне найти ее.

– Я живу в этом квартале уже пять лет! – искоса посмотрев на записи, отозвалась молоденькая симпатичная женщина в длинной темно-синей одежде. – И я совершенно точно уверена, что здесь нет никаких русских девушек. Правда, недавно к нам переехала семья из Марокко.

– Как это нет никакой русской девушки?! – с отчаянием воскликнула Кристина. – Вы уверены?

Впрочем, это восклицание носило исключительно эмоциональный характер.

А на уровне логики ситуация уже была ею полностью разложена по полочкам.

Все-таки работа финансового аналитика накладывает отпечаток на характер человека, и иногда мозг рефлекторно начинает функционировать как супермощный производительный компьютер.

Все ясно и понятно.

Увы: «блэк черри» никаким чудесным образом не сохранилась.

Вся эта поездка – одна большая мистификация, затеянная для того, чтобы ведущая самого популярного сообщества любителей орхидей оказалась в дураках. Сначала обрадовалась бы, бросила все и полетела в Тунис, потом – разочаровалась бы...

Фотографии, разумеется, как следует обработаны средствами фотошопа. Инициатор этой мистификации прекрасно разбирается в изысканных цветах.

Надо отдать ей должное: Марина (конечно, никакой Наташи не существует в природе, как не существует и черных орхидей; все это устроила Маринка из конкурирующего сообщества!) потрудились на славу. Она нашла в гербарии орхидей редкий исчезнувший вид, относительно правдоподобно описала условия, в которых чудесным образом вдруг обнаружилось растение...

Ради чего кто-то приложил столько усилий?

Ответ прост: зависть!

Какое-то время Марина пыталась вести собственное сообщество, потом, в целях дополнительного заработка, сделала его платным. Количество участников сразу снизилось: ведь есть много аналогичных бесплатных сообществ и форумов. Попытки договориться с модераторами других организаций о введении платы за членство успеха ей не принесли. В конце концов, Марина разругалась со всеми московскими любителями орхидей. Да еще и, как выяснилось, затеяла эту месть...

– Куда отвезти мадам теперь? – поинтересовался таксист, когда Кристина, еле сдерживая слезы, опустилась на сиденье машины.

А и правда, куда ей теперь?..

В аэропорт?

Или, раз уж она все же приехала, стоит остановиться в гостинице, посмотреть страну, пройтись по цветочным магазинам?..

* * *

«...Знаете, что я теперь готов выкрикнуть в лицо первому встречному европейцу? Что я мог бы запросто перерезать ему глотку!

Почему?..

Не надо никакой особой причины, когда ты голоден и понимаешь, что всегда будешь голоден. А вокруг все только тем и занимаются, что набивают желудки!

Ненавижу свою жизнь, ненавижу!

Это такое отчаяние, такая безысходность...

Сейчас вечер.

От голода кружится голова.

Как обычно в этот час, я стою на набережной Порт-эль-Кантауи.

Пожалуй, в этом районе самая высокая концентрация богатых туристов во всем Тунисе. Когда-то здесь, недалеко от Сусса⁸, располагались только яхт-клуб и небольшой ресторанчик, где обедали в основном судовладельцы. Однако район очень быстро застроили роскошными виллами. Потом вдоль побережья появились шикарные отели. Теперь Порт-эль-Кантауи стал таким местечком, которое вполне могло бы располагаться на Лазурном Берегу или где-то в Италии. В этой роскошной мешанине автомобилей, яхт, ресторанов и особняков нет ничего от истинного Туниса. Арабской речи не слышно. Увидеть здесь женицину, пусть и не носящую хиджаб, но хотя бы одетую не по-европейски, – большая редкость. И даже запахи тут иные – ароматы дорогого парфюма, кофе с молоком, жареного с чуржими, а не с нашими традиционными специями мяса. Продавцы в магазинах ведут себя приветливо, но отстраненно. Никто не кричит, как в лавочках медины⁹: «Лучшие кожаные босоножки! Дешевле не бывает!»

Впрочем, наверное, от нашей страны все-таки кое-что осталось – на набережной.

Такие парни, как я! Днем мы лениво играем в волейбол на пляже или сидим в прохладе в центре талассотерапии. Поймав заинтересованный женский взгляд, обрадованно улыбаемся. Как правило, выкрикивать что-то вроде: «Специальная цена, только для вас, мадам!..» – не требуется. Большинство туристок, приезжающих в Тунис, уже знают: в наших краях полным-полно красивых мальчиков, которые за символическую плату подарят любой женицине немало сладких мгновений. Да, нас можно запросто купить, как покупают парео или бейсболку; заказать, как заказывают массажиста в номер или стакан сока. Всего двадцать долларов – и через час мадам, довольная, с покрасневшими щеками, поблагодарит юношу за потрясающий секс...

В хороший месяц работа приносит мне долларов двести, а то и триста. Для европейцев это не деньги – неделя пребывания в шикарном тунисском отеле стоит в несколько раз дороже. Европейцы вообще зарабатывают намного больше нас; а когда у тебя полно денег, наверное, их легко тратить.

Вроде бы двести-триста долларов, по нашим меркам, неплохой доход. Зарплата в отелях куда меньше (хотя устроиться туда нереально, в отелях работают целыми семьями, и, если вдруг освобождается место, его получает человек только из членов семьи, уже имеющей там работу). Продавец в лавке хорошо если раз в неделю наторгует долларов пятнадцать. Так что доходы от продажи мужского «достоинства» считаются достаточно высокими. Многие парни хотели бы заняться такой работой, найти другую в нашей стране очень и очень сложно. Но не все мужчины молоды и красивы. Вроде бы я зарабатываю достаточно. Однако после смерти отца я являюсь единственным работающим мужчиной в семье. У меня три незамужних сестры и мать, и я должен заботиться о них.

Все деньги я отдаю им, себе оставляю немного, на еду. Конечно же, родные не знают (или делают вид, что не знают?), чем именно я зарабатываю на жизнь.

По большому счету, даже в неплохие времена я не могу себе позволить многих вещей, которые кажутся естественными для европейцев. Я никогда не пью кофе в кафе, не курю кальян (и уж тем более сигареты, ведь они стоят очень дорого), и я сам готовлю обед из самых дешевых продуктов. Очень редко позволяю себе потратить несколько динаров в интернет-кафе. Как-то глупо уточнять – собственного компьютера у меня, естественно, не имеется.

О будущем я стараюсь не думать.

Слишком страшно.

Пугающих меня вопросов так много...

---

⁸ Один из основных туристических курортов в Тунисе.

⁹ Восточный рынок.

Как собрать приданое для сестер? Неужели из-за того, что в нашей семье нет денег, они никогда не выйдут замуж? Неужели у меня никогда не появится собственной семьи?

Что будет со мной, когда безжалостное время отметит мою кожу морщинами?

А если вдруг я заболею? Недавно мой приятель, ублажавший богатеньких дамочек, умер от СПИДа. Презервативы иногда рвутся, и всегда думаешь: пронесет, ничего страшного. Но везет далеко не всем и не всегда...

Я думаю об этом и о всякой всячине, стоя на набережной.

Заманчивая, прекрасная жизнь окружает меня.

Я вижу огоньки роскошных яхт, из ресторанов доносится счастливый смех, слышна оживленная болтовня. Меня обволакивают упоительные ароматы вкусной еды, и мой голодный желудок живо реагирует мучительными спазмами.

Призывно улыбаюсь проходящим мимо женщинам, но они лишь отмахиваются от меня, как от надоевшей собачонки.

Наверное, это происходит потому, что я выгляжу жалко.

Сглатывая слюну, я смотрю на горящие окна отелей.

И я, и люди, которые находятся в тех прекрасных зданиях, – все мы видим одни и те же морские волны, наслаждаемся одним и тем же солнцем.

Но почему у нас такая разная жизнь?

Если бы я только знал, кто виноват в этом...

О, я бы отомстил! Я бы сделал все что угодно! Нет сил больше жить так, как я живу, – иметь только самые простые цели и желания и понимать, что никогда, никогда они не исполнятся...»

– Писатель, мы приехали!

Водитель маршрутки бесцеремонно толкнул Салаха в бок. И молодой мужчина, пряча старенький «наладонник» в карман куртки, гневно сверкнул глазами.

Да, он – писатель! Может быть! И водителю совершенно незачем так саркастически улыбаться!

А вдруг ему повезет, удастся написать книгу? И ее издадут, и она принесет ему деньги?

Тогда, по крайней мере, у него найдется занятие на зиму. Зимой в Суссе практически нет туристов, а значит, нет и клиентов, желающих хорошо провести время. Приходится перебираться на зиму в Тунис, здесь больше возможностей получить хотя бы временную работу.

– Эй, сколько ты заплатил? – посмотрев на пару монет, протянутые ему Салахом, возмутился водитель. – Здесь нет даже трети необходимой суммы!

– В другой раз! – крикнул Салах, отодвигая дверцу микроавтобуса.

Секунда, и он уже ловко выскочил из машины.

Вслед ему понеслись ругательства и пронзительный свист...

Очень хочется побыстрее убежать, скрыться от нескольких пар глаз, бывших свидетелями его недавнего позора.

Но сил, чтобы хотя бы немного ускорить шаги, у него нет.

От голода действительно кружится голова.

«Только бы найти работу! Иначе мне придется продать КПК, а как тогда писать книгу? – с отчаянием думает Салах, отворачиваясь от заманчивых витрин фруктово-овощных лавочек. – Эта машинка очень неудобная, у нее маленький экранчик, такую старую модель невозможно подключить к Интернету. Но другой-то нет! И денег нет тоже, вообще ни одного динара... Я должен найти какой-то выход, я должен вырваться из этого замкнутого круга нищеты...»

В узких улочках – венах медины – что-то было не так. Множество лавок закрыты, а работающие продавцы не расхваливают свои товары, а о чем-то оживленно беседуют друг с другом.

Отводя взгляд от источавших упоительные запахи жареного мяса дверей и окон маленьких кафе, Салах шел вперед и вдруг замер как вкопанный.

Нет, в стоявших чуть впереди двоих мужчинах, пожилом и молодом, не было ничего особенного. Черные шапочки надвинуты на смуглые лбы, кожаные куртки застегнуты на все пуговицы – зимой в Тунисе так одеваются многие местные. Однако у них в руках... Это что-то невероятное! Глазам Салаха стало больно, когда он заметил блеск золота и драгоценных камней...

Мужчины не увидели случайного свидетеля беседы и продолжали общаться как ни в чем не бывало.

– Я предлагаю хорошую драгоценность за невысокую цену. Вещь старинная. Думаю, любой музей за нее и миллиона долларов не пожалеет! Я хочу совсем немного, – заявил молодой тунисец, размахивая руками.

– Почему же ты так дешево запрашиваешь? Миллион долларов стоит, а ты мне ее предлагаешь всего-то за пятьдесят тысяч?

На губах пожилого мужчины заиграла вежливая улыбка, но напряженные глаза, похоже, видели все потаенные мысли продавца насквозь.

– Не хочу, чтобы такая дорогая вещь была в моей лавке. Опасаюсь кражи. И еще... я буду с тобой честен. С этим золотом что-то не в порядке. У меня жена заболела, не встает с постели. Так что мой тебе совет: долго у себя этот венец ты не держи, продай его побыстрее.

– Мне надо подумать. Поговорить с людьми, попытаться найти покупателя...

– Хорошо, подумай, – согласился парень, забрав из рук собеседника золотое украшение. Он опустил венец в пакет и, махнув пожилому рукой, двинулся вперед.

«Воровство – большой грех, Аллах никогда меня не простит», – подумал Салах, незаметно следуя за парнем по узкой улочке медины...

* * *

– Напоминаю о том, что мы выучили на прошлом занятии. Сальса танцуется на четыре счета. Женская партия, основной шаг: правая ножка назад, с выносом бедра, левая – вперед, покачали... У мальчиков все наоборот: правая нога вперед, левая – назад. Мужчины, смотрите на Сережу! Потом боковые шаги: раз-два, раз-два! Сильнее качайте бедрами из стороны в сторону, сильнее!..

Катя чувствует, что немного запыхалась. Даже говорить ей сложно, дыхание сбивается.

...Вот что дальше: Сергей понимает ее без слов и берет инициативу проведения занятия на себя, выходит вперед, давая партнерше возможность отойти к станку у зеркал и немного передохнуть.

Катя старается успокоиться.

Глубокий вдох, спокойный выдох...

Все это, конечно, просто ужасно! В двадцать пять лет победительница соревнований по бальным и клубным танцам не может запыхаться оттого, что всего лишь провела разминку.

Впрочем, дело ведь не в нагрузке, а в душевной ране...

Пережить измену всегда непросто. Но если тебе изменяет партнер по танцам, он предает не только свою женщину – он предает танцевальную пару. И в итоге рушится не только личная жизнь, но и карьера.

«Все дело в том, что Сергей никогда не занимался бальными танцами. Сейчас на подъеме клубные танцы, и в профессию приходит множество случайных людей с минимальной хореографической подготовкой, – думала Катя, невольно любуясь убежавшими к горизонту синими

волнами. – Как танцуют хастл¹⁰? Меняясь партнерами. За одно занятие каждая девушка в группе успевает перетанцевать со всеми парнями. В результате «ценность» и «значимость» танцевальной пары утрачиваются. Хотя на самом деле только регулярные тренировки в одной паре позволяют расти и совершенствоваться... Мы с Сережей арендовали зал, преподавали все что угодно – от румбы до стрип-пластики, – у нас были многочисленные группы. И он так легко разрушил все это! Да, потом он просил прощения. Я нашла это предложение о работе в Тунисе. Деньги тут платят небольшие, но после питерской сырости здешний климат – рай. Я думала, что со сменой обстановки мне будет легче простить Сергея. Ничего подобного! Каждая латиноамериканская мелодия напоминает мне одну и ту же картину: Сергей танцует с Наткой и представляет, как потом они займутся любовью...»

Катя бросила взгляд на круглые часы, висевшие над зеркалом, и едва удержалась от изумленного возгласа.

Надо же, занятия уже почти подошли к концу! Осталось всего десять минут, надо успеть «прогнать» несколько раз связки – убедиться, что ученики (немец Ганс, француженка Эмилия и пара толстеньких американцев, Стив и Дженни) все разучили более или менее верно.

Потом (это уже традиция) щелкнуть пультом, включить диск с записью сальса-вечеринки «продвинутых» любителей. И пообещать ученикам, что, стоит им приложить совсем немного усилий, и они смогут двигаться точно так же, как и эти люди, изящно танцующие сальсу.

Сергей взял пульт, включил телевизор и пробормотал по-русски:

– Не может быть! Катя, ты глянь, это же Тунис!

В центре столицы действительно творилось что-то непонятное. И, пожалуй, даже пугающее.

Бежали в разные стороны толпы людей; кто-то бросал камни, а кто-то потрясал плакатами; пылали бутики; официанты спешно заносили столики в помещения кафе...

– Сегодня молодой житель Туниса совершил самосожжение. Он протестовал против невозможности найти работу, – перевела на английский Эмилия, единственная из всей группы немного понимавшая арабский, зазвучавший с телеэкрана. – Это вызвало невероятное возмущение граждан. Проблема безработицы очень актуальна для Туниса. Тысячи людей вышли на улицы, требуя, чтобы правительство приняло срочные меры...

* * *

– Как я волнуюсь по поводу последних событий! Не хотелось бы испортить отпуск. Как вы думаете, беспорядки в Тунисе – это ведь не очень серьезно, правда?

Ганс Винкельман недовольно посмотрел на Эмилию Мюрье: она сидела на нижней полке сауны, обхватив колени. Ее спина представляла собою просто душераздирающее зрелище: бледная кожа так плотно обтягивала позвонки, что отчетливо виднелась каждая косточка. Не женщина – анатомический экспонат для студентов!

– Ничего я не думаю об этих беспорядках! – буркнул он недовольно.

А про себя отметил: «Не показалось мне! Теперь я точно уверен, что нравлюсь этому ходячему скелету из Парижа. Она не упускает ни одной возможности поболтать со мной и при этом так многозначительно на меня поглядывает... Вообще-то женщины подобного типа считаются красивыми. Покажи я кому-нибудь фотку с этой куколкой – мои друзья обзавидовались бы. Но ложиться с ней в постель, колоться об эти кости... Француженке не помешала бы «диета», состоящая из жирной свинины и пирожных. Может, тогда у нее выросла бы попа! Впрочем, не в одной худобе тут дело. Конечно, я предпочитаю женщин с формами, и не только

---

¹⁰ Вид современных клубных танцев.

из-за фигуры. Мне кажется, что толстушки добрее, веселее. А вот такой «красивый» скелет может мужчине все нервы порвать...»

Из-за этих соображений у Ганса появилась слабая эрекция.

Он улыбнулся, заметив, что уши Эмилии, естественно, сидевшей в сауне в обнаженном виде, стали ярко-рубиновыми.

«Все-таки эти лягушатники заметно от нас отличаются. Они считаются самой сексуальной нацией в мире! Но разве это правда? Вот, например, эта француженка краснеет из-за совершенно естественных вещей. В какой-нибудь общей раздевалке берлинского бассейна на такую ерунду, как эрекция, я уверен, никто бы и внимания не обратил. Помню, когда я был во Франции, меня поразило, что в отдельную сауну французы заходят в плавках! Как это Эмилия еще не додумалась закутать свои мощи в простыню? Может, хочет произвести на меня впечатление?» – пронеслось у него в голове.

Впрочем, все эти мысли – секс, эрекция, тощая, как цыпленок, француженка – показались Гансу очень глупыми и ненужными.

Сделав глубокий вдох, он прислонился к стене, закрыл глаза и с наслаждением вспомнил, какие сувениры он выбрал для своего небольшого магазинчика в Потсдаме.

О, из Туниса туда доставят просто отличные вещи...

Картины-мозаики, статуэтки из камня и дерева, керамические тарелки и декоративные медные кальяны. А еще – ковры, бусы, маски, костюмы для исполнения танца живота, длинные мужские рубашки, национальные тунисские тапочки с загнутыми носами...

Каждая из этих вещей была придирчиво выбрана среди большого ассортимента местных лавочек и заботливо упакована, что исключало малейший риск повреждения при пересылке.

– Стив, это ужасно! Ты посмотри, рядом с кем мы отдыхаем!

Услышав тоненький звонкий голосок Дженни (должно быть, американка и ее муж находились в полушаге от сауны, на шезлонгах возле бассейна SPA-комплекса), Ганс скептически хмыкнул.

Легка на помине эта Дженни!

Попка у нее ничего, аппетитная, есть за что подержаться. А вот мозгов, похоже, маловато. Как только ее муж выносит такую ворчливую жену! Да она же вечно всем недовольна, зудит и зудит с утра до вечера. То мясо слишком острое, то солнце излишне яркое... Муж ее – успешный фотограф, можно даже сказать – знаменитость. Во всяком случае, его фотографии печатают престижные журналы вроде «National geographic». Да этот Стив в два счета себе может найти подругу с более легким нравом и не менее аппетитной задницей!

– Стиви, это не отель, а просто наказание! Я не понимаю, по какому принципу они выбирают клиентов! Почему они продают туры всякому сброду?! В отеле просто какое-то нашествие русских. Ты видел тех людей, которые недавно прилетели? Эта блондинка со своим спутником, похожим на бандита, – они такие подозрительные! Но вторая парочка еще круче! Брюнетка с каким-то арабом! Русская сучка притащила в клубный отель своего любовника!

Эмилия покачала головой и бросила на Ганса умоляющий взгляд:

– Надо выйти отсюда! Они же явно не знают, что мы в сауне. Сейчас Дженни дойдет до характеристики нас с вами. И как мы будем отдыхать рядом с ними еще десять дней?!

Ганс вздохнул и осторожно спустился с полки.

Француженка, конечно, тощий цыпленочек. Но иногда ей в голову приходят вполне дельные мысли!

* * *

Белоснежный домик с синими ставнями и ажурной решеточкой, скрывавшей балкон, в натуральном виде оказался намного эффектнее, чем на снимках в рекламном каталоге.

Ли́ка Вронская быстро осмотрелась по сторонам и удовлетворенно кивнула головой. Номер отличный! То, что надо для прекрасного, комфортного отдыха!

Новая, в идеальном состоянии, сантехника; огромная кровать, оригинальные светильники на стенах, напоминающие факелы. Вид из окна изумительный: сине-слюдяной кусочек моря в окаймлении пальмовых ветвей. А какой на пляже белоснежный песочек! Так и хочется поскорее на нем растянуться, впитывая всем телом особенно жаркое после заснеженной Москвы солнышко...

– Андрей, мне здесь так нравится! Какая погода потрясающая! Пойдем скорее плавать. – Ли́ка, подпрыгнув, повисла на шее у своего бойфренда, одновременно пытаясь выхватить из его рук пульт от телевизора. – Ты что, с ума сошел?! Телевизор – в таком раю?!

– Смотри, что творится, – прошептал Андрей, погладив Ли́ку по голове.

Она выскользнула из-под его ладони:

– Ты что это меня гладишь, как собаку! Нормально, да?! Лучше бы кровать предложил обновить. Слушай, пошли на пляж, ну, пожалуйста...

На экране телевизора творилось что-то непонятное. Похоже, в Тунисе проходила многотысячная акция протеста. Вся площадь была заполнена людьми: кто-то держал плакаты с требованиями, кто-то выкрикивал лозунги.

Сюжет комментировал журналист с сильным американским акцентом, к тому же ему явно нравилось сокращать слова. Тем не менее суть происходящего понять было возможно: эти люди требуют улучшения экономической ситуации.

– Как здесь все темпераментно происходит, – заинтересованно пробормотал Андрей и, осмотревшись, устроился в кресле напротив телевизора. – Вот русские никогда так массово не протестуют! Наверное, из-за того, что у нас климат другой.

– У нас, наверное, – принялась гримасничать Ли́ка, открывая большую черную сумку на колесиках. Где тут завалились шорты, сланцы и купальник? – Уже отпротестовали в семнадцатом году. И меня, как мать, это только радует. Революции с воспитанием детей плохо сочетаются! Ладно, Андрей, ты как хочешь, а я пошла плавать. Досматривай свои новости и приходи на пляж.

Ли́ка выскочила из домика немного раздраженная и... И уже через секунду широко улыбнулась.

Невозможно злиться, когда вокруг такая красота! Еще утром была Москва, и сугробы, и ледяной ветер умудрился искушать ей лицо... А сколько тех секунд прошло, пока она добежала из такси до входа в аэропорт, всего ничего.

Зато сейчас тем острее удовольствие от солнца, моря, ярких цветов, от собственной футболки с короткими рукавами!

Засунув руки в карманы вытертых джинсовых шортиков с бахромой, Ли́ка деловито зашагала по выложенной белой плиткой дорожке. И, запрокинув голову вверх (люди, здесь такое небо, это надо видеть!), не заметила ступенек и кубарем покатилась вперед...

Движение, тошнота, боль, мир вокруг нее лихорадочно кружится...

Сжаться в комок... предчувствие удара...

И это оказывается страшнее, чем само столкновение с каким-то препятствием – практически безболезненное.

Постанывая скорее от испуга, нежели от настоящей боли, Ли́ка посмотрела по сторонам. Нормально... Залетела в какие-то кусты.

Но в принципе под спиной ее явно какая-то мягкая поверхность вроде газона. И это только радует.

«Если бы я шмякнулась на камни, точно что-то сломала бы, – Ли́ка осторожно пошевелила руками, потом ногами. – Кажется, обошлось! Колено ноет, наверное, ссадина. Но сгиба-

ется. Осталось только убедиться, что все в порядке со спиной. Я встаю, осторожно, осторожно и...»

Она приподнялась – и в ту же секунду пригнулась.

На участке перед домиком происходило что-то очень интересное.

Через французский балкон на газон перед домиком вдруг выбежала симпатичная темно-волосая женщина. Та самая, которая летела внутренним рейсом из Туниса на Бо в обществе вызывающе красивого арабского парня. Женщина, судя по обложке ее паспорта, была россиянкой, но со своим спутником она переговаривалась по-английски. Теперь в ее руках виделась небольшая спортивная черная сумка.

Однако дело было совершенно не в этой сумке! Казалось бы: ну что тут необычного, сумка и сумка, женщина хочет просто разобрать с дороги вещи, найти купальник и удобную обувь... Но у этой женщины было такое интригующе-таинственное выражение лица... Как будто она делала что-то противозаконное или предосудительное!

Брюнетка присела на корточки, завела за ухо непослушную выющуюся прядь волос и, осмотревшись по сторонам, расстегнула молнию.

В сумке оказался какой-то сверток.

Один лист газеты, другой, третий...

Порыв ветра не мог придумать ничего гуманнее, чем залепить бумагой ту щелочку в ветвях кустарника, через которую Лика наблюдала за происходящим.

Опасаясь разоблачения, Вронская все же проползла немного вперед, высунула голову... и едва удержалась от восхищенного возгласа.

Первая мысль, сверкнувшая в ее сознании, когда она увидела переливающиеся на солнце сапфиры, изумруды и бриллианты, была такая: «Корона российской империи!»

Конечно, великолепное ювелирное изделие, оказавшееся в руках у женщины, по форме не напоминало корону; скорее оно было похоже на состоявший из двух ободков обруч, скрепленный в центре декоративными элементами. Похожие украшения в древности женщины надевали на лоб для того, чтобы придерживать падающие на лицо длинные волосы. Однако сияли камни, может, даже еще ярче, чем на короне самодержцев российских в известной кинокартине!

Глава 2

Карфаген, II век до н. э.

– Скажи всем скорее: Дидона решила устроить охоту. Пусть седлают моего коня, готовят лук и стрелы. Гончих собак не кормить. В прошлый раз додумались, дали псам еды, конечно, те, наевшись, не торопились бежать за дичью. И пусть принесут мое охотничье платье и длинный плащ!

Дидона отдает распоряжения насчет охоты, хотя на самом деле больше всего на свете ей хочется отдать рабыне другое указание: подготовить опочивальню к ночи любви.

Но, увы, наверное, ей просто померещилась страсть в том прикосновении Энея к ее ноге на пиру. С утра до вечера троянец занят починкой своих кораблей. Он готовится к отплытию. Похоже, никто и ничто не может удержать его в Карфагене.

Отпустив рабыню, Дидона задумчиво взглянула в окно.

Вот из конюшни выводят ее прекрасного вороного коня, отлично вычищенного, с лоснящимися боками. Он радостно ржет, гарцует, встряхивает гривой.

Вот рабы выносят все, что только может понадобиться на охоте, – сети, тенета, пики с широкими жалами.

Вот...

Да в это же невозможно поверить! Эней забирает у слуги поводья коня царицы, и своенравный жеребец вмиг становится спокойным. А на поясе у троянца виден колчан со стрелами!

Эней!

Он больше не хочет чинить свои корабли!

Он тоже собирается на охоту!

Еще совсем недавно счастье казалось ей таким невозможным.

Но что, если оно... что, если оно все-таки возможно?..

Облачившись с помощью рабыни в охотничье платье, Дидона скрепила его край золотой булавкой, чтобы длинный подол не мешал ей скакать на лошади. И с колотящимся сердцем спустилась вниз.

– Могу ли я присоединиться к охоте Дидоны? – радостно улыбнулся троянец.

Она величественно кивнула, позволила Энею помочь ей сесть на лошадь. И поскорее умчалась вперед, молясь, чтобы мужчина не заметил, как дрожат ее руки, а на щеках пылает румянец.

Охота в окрестностях Карфагена обычно удавалась на славу. Добычей становились дикие козы, целые стаи которых резвились на горных склонах, или шустрые вепри, или отчаянно сражавшиеся до последнего вздоха львы. Целые повозки, полные мяса, следовали после охоты в Бирсу.

«Но только сегодня все иначе, – пронеслось в голове Дидоны, и она растерянно обернулась, ища взглядом Энея. – Я не вижу ни одного зверя! На голубом небе – а оно здесь всегда такое голубое, чистое – появилась огромная черно-фиолетовая туча, она стремительно приближается, дует пронизывающий ветер, начинается дождь...»

– Я вижу пещеру, там можно спрятаться от непогоды! Мы не успеем вернуться в крепость, нам надо переждать бурю! – прокричал Эней, спрыгивая с лошади. Он протянул к Дидоне руки, помог ей спуститься на землю. – Давай скорее в укрытие! Я привяжу твоего коня!

Не дожидаясь Энея, Дидона заспешила в пещеру, вошла внутрь – и охнула, завертела головой по сторонам.

В это было невозможно поверить!

Невозможно, но...

Царица Карфагена потерла глаза.

Невероятное видение не исчезало.

Тут был зажжен кем-то алебастровый светильник. Через его резные узоры различался весело горевший огонек, отбрасывавший на поросшие мхом стены причудливые отблески.

А еще в пещере имелось самое настоящее ложе! Не узкое, на котором возлежат во время обеда, а широкое, какое ставят в опочивальне. Оно было покрыто мягкими звериными шкурами и усыпано лепестками роз.

Повсюду стояли вазы с живыми цветами, такими свежими, будто их только что принесли из сада рабыни.

– Невероятно, – пробормотал Эней, пройдя в пещеру. – Венера явно дает нам знак! Богиня словно благословляет те слова, которые я собирался сказать. Дидона, ты... ты так умна и прекрасна! Невозможно не полюбить тебя. Я понимаю, что, может, не очень подхожу тебе по знатности рода. Но я люблю тебя! И очень буду стараться сделать тебя счастливой. Прошу: стань моей женой. Умоляю тебя! Ты согласна быть со мной?

Сердце Дидоны сжалось от волнения.

Все происходящее показалось ей чудесным сном.

Красиво убранная пещера, слова, которые ей так хотелось услышать, любимое лицо, полное тревожного ожидания.

– Я согласна, – прошептала она, боясь лишиться чувств. – Давно мечтала я назвать мужем...

«Смелого Энея», – хотела сказать Дидона. Но ее губы задрожали, принимая самый нежный на свете и такой долгожданный поцелуй.

Все было именно так, как себе и представляла Дидона.

Мягкими осторожными движениями Эней помог ей снять одежды, потом нежно увлек на ложе, и от прикосновений его рук ее обнаженное тело сделалось теплым и безвольным...

Все было в сто раз лучше, чем она могла себе представить.

Умелые ласки Энея, оказывается, способны подарить такое наслаждение, которое, кажется, познать могут разве что боги...

Как легко опьянеть от любви!

Как сложно заниматься государственными делами, когда единственное, что нужно в этой жизни, – целовать любимые губы...

Советники докладывают: участились набеги на их границы, следует срочно укрепить оборону, усилить войско. Узнав о свадьбе Дидоны, Ярба разозлился до невозможности и даже вознес жертвы богам, чтобы те помогли превратить славный город в руины.

Но в сердце царицы нет больше тревоги.

Она ловит себя на том, что постоянно безмятежно улыбается. Ей кажется, что весь мир превратился в дивный райский сад. И что больше никогда не найдется места в ее сердце для печали.

О нет, Дидона совершенно не предчувствовала беду...

Тем страшнее ей было однажды проснуться среди ночи от ощущения мучительной боли и сильной тревоги. Проснуться, потянуться к любимому Энею... и не найти его на ложе.

Убили? Похитили?!

Звать стражу? Будить Анну?

Как, как ей поступить?! О боги!

Не зная, что предпринять, Дидона, заламывая руки, заметалась по опочивальне, потом выскочила в коридор, побежала между рядом колонн. Стражники, увидев царицу, тотчас пробудились от дремоты, вытянулись в струнки.

Дидона собиралась сказать им, что надо срочно отправляться на поиски Энея. Но невольно бросила взгляд в сторону моря, и слова застряли у нее в горле.

Пылают на берегу костры, в том самом месте, где стояли корабли троянцев с высокими мачтами.

Уже много времени прошло, и никакого ремонта давно не проводилось. Эней обещал остаться, а если так – зачем ему корабли?..

Он обещал остаться, но вот смотрите все – видна его прекрасная сильная фигура в отблесках ярких костров. Эней снова собирается в путь? Он хочет уплыть, не простившись? Но почему, за что?! Ведь не было ни ссор, ни размолвок!

Не теряя времени на разговоры со стражниками, в тончайшей ночной сорочке, Дидона полетела к морю.

– Эней, что случилось?! Я ничего не понимаю! Ты называл меня женой, обещал, что не покинешь меня, что мы всегда будем вместе. Пожалуйста, скажи, что я ошиблась. Что все это неправда – ты не готовишься теперь к отъезду... Эней! Почему ты молчишь?! – Не будучи в силах сдержаться, Дидона бросилась к мужу, попыталась дать ему пощечину, но он ловко перехватил ее ладонь. – Ненавижу тебя! Да ты просто предатель!

– Прости! Я не хотел тебя обидеть. Меньше всего я стремился сделать тебе больно. – Он склонил голову, прижался губами к маленькой теплой ладошке, и от этого поцелуя, такого знакомого и родного, из глаз Дидоны хлынули слезы. – Просто, понимаешь... мне было видение. Во сне мне явились боги и вдруг приказали покинуть и тебя, и Карфаген. Они сказали так: «В Италию надо плыть Энею, чтобы дать тем землям сильных потомков, которые воздвигнут Рим. Помни о сыне! По праву ли ты лишаешь его царства римского?»

Дидона саркастически усмехнулась:

– О да, богам больше нечего делать, как только являться Энею в видениях! Не верю! Да скажи наконец правду: тебе просто стало скучно – со мной, в покое, без странствий и бурь. И ты решил сбежать – без всяких объяснений, под покровом ночи! Не надо морочить мне голову какими-то там видениями! Чем римское царство, куда ты направляешься, лучше земли Карфагена? Ты хочешь счастья для своих потомков? Так в чем же дело, здесь все для тебя есть – и земля, и я, влюбленная, готовая дарить тебе детей! Видение твое – пустые отговорки!

– Дидона... Я очень перед тобой виноват. Я действительно поступаю гадко. Но я не обманываю тебя. Все – чистая правда! Мне было видение, и я услышал глас бога... Сердце мое разрывается от горя. Но иначе я поступить не могу. Не могу! Конечно, я попрощался бы с тобой перед тем, как отправиться в долгий путь...

– Спасибо! Как мило – хотел попрощаться! Мой муж покидает меня! Слушай, ну почему ты совершенно обо мне не думаешь?! Ты что, не понимаешь: ты уедешь, а завтра тут будет войско Ярбы или другого африканского царя? И от меня, и от Бирсы ничего не останется – мне просто не простят связь с тобой, меня уничтожат, потому что никогда женщины не отказывали местным царькам, а защитить меня больше некому... Эней, опомнись, я умоляю тебя!

Дидона смотрела в печальные любимые глаза и понимала: все троянцы бросили возиться с кораблями и только тем и занимаются, что подслушивают их разговор.

Какой позор! Какое унижение!

Эней бросает царицу Карфагена, дочь славного тирского царя Бела, прекрасную Дидону... Он бросает ее, как самую жалкую рабыню, и все это видят сотни людей.

Боги, боги! Есть ли у вас сердце?! Как можете вы позволить, чтобы та, которая один раз уже лишилась мужа и испытала невероятные мучения, сейчас опять теряла своего любимого?..

Как больно!

И ведь Эней знал о Сихее! Он знал о том, какой это был ужас – торопиться на брачное ложе, наткнуться на труп мужа, а потом еще и узнать, что с ним расправился родной брат

невесты! Эней все знал – и все равно он собирается уезжать. Он увозит Юла, который стал ей ближе родного сына...

– Обними же свою Дидону, – шепчут ее онемевшие губы. – Любимый, всего лишь объятье... Я умираю!..

– Прости, не могу. Если я только прикоснусь к тебе, то никогда не смогу уехать. Я больше всего на свете хочу быть с тобой. Но воля богов такова, что мне надо отправляться в путь. Прости и прощай!

Он разворачивается и бежит к морю.

Сильный ветер едва не валит Энея с ног, однако он продолжает упрямо двигаться вперед.

– Потешилась сладко – и будет, царица. А я бы, признаться, не отказался в покои твои заглянуть, не стал бы бежать, как Эней...

Какой-то троянец, полный, с некрасивым обожженным лицом, начинает хохотать, и живот его трясется.

Но это все для Дидоны уже неважно.

С удивлением она видит стражника из своей свиты (откуда он взялся тут, его же никто не звал?), тот бросается к троянцу с мечом. Царица бормочет:

– Оставь, все неважно. Пусть едут.

Пусть...

Развернувшись, она идет к своему дворцу. Но не входит в покои: зовет рабов.

– Слушайте меня внимательно! Разложите здесь огромный костер. Пусть его пламя поднимется выше неба! Срочно принесите сюда все вещи Энея! Возьмите меч этого предателя и всю ту одежду, которую я ему дарила. А еще я требую, чтобы вы принесли сюда наше ложе из опочивальни. Его надо рассечь на мелкие щепы и тоже бросить в костер!

Обессиленно опустившись на землю, Дидона внимательно наблюдала за тем, как выполняются ее распоряжения.

Потом провела рукой по волосам, нащупала золотой венец и грустно усмехнулась.

Как сладок был этот подарок Энея! Как радовался вероломный муж, когда видел это украшение на ее густых светлых волосах!

В этом совершенном венце столько красоты! Золото, сапфиры и изумруды обещали ей счастье, любовь, безмятежность. Но прекрасный венец обманул все ее надежды. Как обманул и предал царицу и тот, кто его подарил...

Отбросив в сторону украшение, тоненько зазвеневшее на камнях, Дидона обернулась на звук приближающихся шагов.

Анна, бледная, встревоженная, раскрыла ей свои объятия.

И по ее лицу, и по молчанию стало понятно, что сестра обо всем догадалась и хочет как-то облегчить скорбь Дидоны.

– Не бойся, Анна, – прошептала Дидона, обнимая хрупкую фигурку сестры. – Я отомщу за свое унижение! Сожгу все его вещи и буду молиться: пусть Юпитер его уничтожит! Пусть вероломный Эней прочувствует мою боль, все мои мучительные страдания!

– Конечно, сестра. Ты совершенно права, именно так и надо поступить. Но даже самой страшной кары все равно мало для этого предателя, разбившего твое сердце!

И сестры принялись бросать в костер вещи Энея.

Одежда сгорела быстро, превратилась в седой пепел, рассеявшийся в ночи. Меч коварного троянца раскалился докрасна, затрещали в огне украшавшие его рукоятку драгоценные камни.

Став на колени, Дидона приготовилась к молитве.

Если сейчас призвать богов на помощь, то Энею больше никогда не суждено увидеть берегов.

Он погибнет в морской пучине, и умрет его сын, и вся его свита.

Только...

По щекам Дидоны заструились слезы.

«Никогда я не скажу таких слов, – пронеслось у нее в голове. – Это заклинание очень сильное, я точно знаю, что уничтожила бы Энея. Но только я не могу, не могу! Я не могу его убить, я не хочу его смерти. Он причинил мне боль, а я все равно люблю его и всегда буду помнить, какими счастливыми делались его глаза, когда он смотрел на меня... Я не могу желать ему зла. Я люблю его, хочу, чтобы он жил долго, чтобы повзрослел Юл, превратился в славного воина. Я хочу, чтобы Эней жил... И вместе с тем без него я жить не смогу, не сумею. Его отъезд – это мои вечные муки, и они никогда не кончатся...»

Дидона нащупала маленький кинжал, который всегда висел на ее поясе с того самого дня, когда она узнала, что Сихея убил Пигмалион.

Покосилась на Анну.

Сестра сидела подле костра, обняв обтянутые хитом колени. И пристально смотрела в море, где вереница кораблей, сражавшихся с высокими волнами, постепенно становилась все мельче и мельче.

Все дальнейшее произошло одновременно.

Вонзив кинжал в свою грудь, Дидона бросилась в пылавший костер, закричав от пронзительной боли.

Странно, но от огня ей стало легче, словно жесточайшие муки тела облегчили страдания души. А потом жар вдруг исчез...

– Успокойся, сестра моя. Скоро мы будем с богами, – твердит Анна, обнимая обугленное тело сестры.

Ее волосы трещат, хитон загорается, пламя касается тела. Кроткое выражение лица сменяется гримасой боли, но Анна, закусив губу, не пытается выскочить из пылающего костра, а еще крепче прижимает к себе свою мертвую сестру.

И вот уже языки пламени пляшут на двух девичьих трупах...

Анна и Дидона почему-то видят все это сверху, словно не сгорают в эту минуту на раскаленных углях.

К костру опрометью бегут рабы.

Один из них останавливается и, воровато оглянувшись по сторонам, нагибается и хватается золотой венец. Прячет его в складках серой грязной рубахи.

Дидона сверху грозит ему пальцем:

– Эй, выброси его, он принесет тебе несчастье, как и мне!

Странно, но раб-воришка ее не слышит. И другие рабы тоже ничего не слышат...

* * *

Огромный пляж острова Бо похож на рай.

Мягкий белоснежный песок, как искусный любовник, нежно ласкает ступни. Прохладный ветерок остужает разогретую на солнце кожу. Соленое дыхание моря смешивается с ванильными ароматами цветов и сладким запахом кокосового масла для загара.

«Я поправляюсь. Я наконец выздоравливаю и возвращаюсь к жизни. – Эмилия Мюрье растянулась в шезлонге, с наслаждением чувствуя, как теплый солнечный душ омывает ее ноги, грудь и живот. – Здесь так хорошо и спокойно, что я, пожалуй, и правда прихожу в норму. Разрыв пятилетних отношений с Патриком дался мне очень дорого. Наверное, каждая женщина переживала бы, если бы ее постоянный партнер вместо предложения руки и сердца вдруг сообщил, что он встретил другую девушку. Но мне пришлось труднее во много раз. Ведь я работаю психотерапевтом. Моя задача – помочь клиенту не допустить возникновения такой ситуации, в которой оказалась я сама. Впрочем, отпуск и правда лучший способ начать жизнь с чистого

листа. Конечно, пока я еще не готова к новым серьезным отношениям. Однако, по крайней мере, я вновь могу смотреть на мужчин. У меня нет особого выбора, из свободных туристов здесь только немец Ганс. Не очень красивый, типичный бюргер: невыразительное лицо, светло-голубые глаза, рыжие волосы, веснушки, килограммов двадцать лишнего веса. Он ведет себя скованно, и я, кажется, догадываюсь почему. Ему нравятся красивые стильные женщины, но он изначально не верит, что может вызвать их интерес к себе. Поэтому он скорее заинтересуется девушкой с какими-нибудь изысками во внешности... Что ж, тем интереснее будет подобрать ключик к этому человеку! Я думаю, Ганс может оказаться неплохим любовником – компенсаторный механизм неуверенности в собственных силах. Дополнительный бонус, если я все-таки смогу затащить его в постель, – это мое восстановленное профессиональное реноме. Я смогу убедиться, что все еще не утратила способности разбираться в людях и играть на их маленьких слабостях».

Наконец жара сделалась совсем нестерпимой.

Задумчиво посмотрев на сланцы (нет, наверное, не стоит их надевать: песок такой мягкий и чистый, поранить ноги им просто невозможно), Эмилия побежала к морю и с наслаждением окунулась в прохладную воду.

Плыть вдоль берега, не имеющего ни малейших примет цивилизации, было чрезвычайно приятно.

«Здесь лучше, чем на Лазурном Берегу, с его вереницей отелей и вилл, – думала Эмилия, восторженно любуясь пальмами и белоснежным песком. – На этом острове чувствуешь свое единение с природой, к тому же Бо дарит своим гостям комфортный и безопасный отдых. Мне еще ни разу не приходилось отдыхать на таком почти необитаемом острове, где находится всего лишь один отель. Раньше я почему-то думала, что это скучно. Ничего подобного!»

Через полчаса она, проголодавшаяся и все же немного заскучавшая, заторопилась с пляжа к бассейну.

Там как раз должны были сервировать послеобеденные закуски. И Ганс с его немецкой обстоятельностью уделял закускам самое пристальное внимание!

Так и есть: звенят тарелки, переговариваются парни, накрывающие на стол...

– ...Здесь, на острове, никого нет. Следующий самолет прилетит только через неделю.

– Что ты предлагаешь?

– Ограбить всех этих козлов, разумеется! И уплыть на материк на катере. Ты видел новости? Там сейчас полная неразбериха.

– Туристы позвонят кому-нибудь или свяжутся по Интернету со своими друзьями. Нас поймают раньше, чем мы успеем доплыть до берега! И посадят в тюрьму. А зачем в тюрьме деньги?

– Тише ты, смотри, вон идет туристка!

– Можно подумать, она понимает по-арабски! Все никак не наедятся эти туристы! Да если бы я столько жрал, я бы уже давно умер!

Осознав, что ее появление не прошло незамеченным, Эмилия, попытавшись приветливо улыбнуться, подошла к столику с фруктами, взяла небольшую тарелочку из стопки и уставилась на поднос со сливами.

Перед глазами все плыло, руки дрожали.

Она немного понимала по-арабски. Лучший друг Патрика был родом из Иордании, и он обожал учить всех и каждого своему родному языку. И теперь Эмилия очень боялась, что переговаривавшиеся официанты догадаются о том, что их речь ей удалось перевести без труда.

«Успокойся, успокойся. – Эмилия, не контролируя себя, взяла сливу и сжала ее так, что брызнул сок. – Что с меня-то им взять? Купальник, парео и тапочки? Все деньги и драгоценности – в сейфе номера; ничего страшного не случится! У меня будет время, я успею попросить о помощи и придумую, как выбраться из этой западни...»

* * *

Следить за темноволосой женщиной и дальше было бы рискованно. Она устроилась в тени пальмы на газоне. Поставила перед собой черную спортивную сумку, где лежало украшение, и портфель с ноутбуком.

Ли́ка Вронская пару минут понаблюдала, как женщина пыталась подключиться к Интернету через вайфай, косилась то на листик с паролем (такой давали всем гостям отеля при заселении), то на экран стильного «сони-вайки». Потом раздалось характерное бульканье, с которым открывается скайп...

Она казалась очень эмоциональной – во время разговора жестикулировала, улыбалась, закатывала глаза.

Однако суть ее диалога с кем-то невидимым, к сожалению, совершенно не улавливалась. Незнакомка говорила не очень громко, к тому же откуда-то неподалеку доносилась темпераментная латиноамериканская песенка.

Подойти ближе – значит выдать свое местонахождение.

А уж стоять на открытом пространстве и подслушивать – вообще далеко не самая лучшая идея.

Конечно, очень любопытно было бы еще раз взглянуть на оригинальное украшение. Однако не подойдешь же к незнакомому, явно занятому своими делами человеку с такой просьбой...

Устав стоять без толку за мохнатым стволом пальмы, Ли́ка развернулась и огляделась по сторонам.

Похоже, неподалеку находится бассейн. А обычно рядом с бассейном располагается и бар, где можно выпить чашечку кофе и поболтать с барменом, узнать у него дорогу к пляжу, выяснить, в котором часу и где именно начнется вечерняя шоу-программа.

Да, так и есть. Вон там, впереди, виднеются ряды пустых шезлонгов, барная стойка под тростниковой крышей; столик с какими-то закусками, возле которого с тарелкой в руках медитирует симпатичная стройная туристка.

«Хочу слив – умираю. – Ли́ка, улыбаясь, заторопилась к столику. – Как же все-таки здорово Андрей придумал с этим отпуском! Море, солнце, свежие фрукты и...»

– Вы говорите по-английски? – с сильным французским акцентом и почему-то шепотом поинтересовалась туристка.

Ли́ка кивнула, недоуменно поглядывая на горку раздавленных слив. Видимо, женщина взяла их с общего подноса, положила не на свою тарелочку и стала их давить, складывая в кучку на краю стола...

Взгляд у туристки был очень встревоженный. Женщина казалась просто смертельно напуганной!

В другой ситуации можно было бы сказать: «Говорю, и не только по-английски, но и по-французски». И поболтать именно на французском, который «лежит» без дела уже много лет – ведь все-таки не так-то просто найти франкоговорящего собеседника. Это была еще одна причина, по которой перспектива поездки в Тунис очень обрадовала Ли́ку: франкоязычная среда, возможность вспомнить прекрасный, мелодичный язык.

Впрочем, именно теперь и именно с этой молодой женщиной болтать ей почему-то совершенно не хотелось...

– Давайте отойдем, нас могут подслушать, – тихо заговорила туристка, вцепившись в Ли́кину руку. – Знаете, я немного понимаю арабский. У Патрика был друг... Впрочем, это неважно... Местные официанты говорили, что они хотят ограбить всех нас и скрыться! Вы смотрели новости? В столице начинаются беспорядки. Наши официанты хотят этим вос-

пользоваться. Они очень опасны! Вы же понимаете, остров Бо небольшой, и на нем находится только наш отель. Мы совершенно беззащитны! Мы в полной власти у этих людей!

Ошеломленная Вронская обернулась к бару. Симпатичный бармен увлеченно пританцовывал в такт музыке и протирал разноцветные бутылки со спиртным. Он был меньше всего похож на злодея, вынашивающего гнусные планы. А вот Ликина собеседница...

– Успокойтесь, ведь на острове есть служба безопасности. Меня зовут Лика, я пару часов назад прилетела сюда с мужем из Москвы. Когда мы заселялись, видели крепкого парня в холле главного корпуса, это явно был сотрудник службы безопасности. Не волнуйтесь, все под контролем! Мы все выбрали очень хороший, комфортный отель, и я уверена, что с безопасностью здесь все в порядке. Да, я видела по телевизору: в столице проходят акции протеста. В Москве тоже почти каждый день кто-то протестует... Главное в таких ситуациях – не оказаться в толпе. Скопление народа – это действительно опасно. А вы, наверное, просто что-то неправильно поняли.

– Приятно познакомиться, Лика. Меня зовут Эмилия. Вы так любезны! Очень мило, что вы меня утешаете. Но поймите, я действительно слышала этот разговор и все перевела правильно.

«Сумасшедшая какая-то, – решила Вронская, вежливо улыбаясь странной туристке. – У нее просто мания преследования. Навидалась я таких людей, когда изучала матчасть для написания своих книг. Мой приятель, судебный психиатр Новиков, рассказывал немало интересных историй и...»

Ее рассуждения оборвал чей-то еле слышный крик.

Звук был совсем слабым. Но все-таки в нем явно улавливалось отчаяние. Такое горькое, что просто кровь стыла в венах...

– Вы слышали?! – Лика обернулась к француженке. – Какие-то странные звуки...

– Думаю, это волны бьются о берег. Но поймите же, ситуация серьезная! Надо не любоваться морем, а действовать!

* * *

Стивен Смит раздраженно ходил взад-вперед по номеру.

С этой Дженни можно сойти с ума!

Все время всем недовольна! Одна истерика сменяет другую!

Казалось бы: все для тебя, дорогая, только будь спокойна, счастлива и не нервничай. Вздумалось ей прилететь в этот Тунис! Зачем, спрашивается? Что, нельзя было отдохнуть где-нибудь поближе, во Флориде, например?

Нет, жена орала как резаная: «Хочу в Тунис, хочу на остров Бо. Стивен, ты не представляешь, как там красиво, какие виды, какие пляжи!»

Приехали.

Какие виды, какие пляжи?! А такие же, как в Таиланде или на Мальдивах! Белый песочек, зеленые пальмы, бирюзово-синее море. Туристов совсем немного; обслуживающий персонал делает свою работу отлично и практически незаметен. Ничего особенного, в сущности.

Ладно бы Дженни мало путешествовала и ничего не видела в мире. Но ведь жена побывала в куче мест, она посещала самые любопытные уголки Земли, там съемки ему заказывали солидные журналы. Быть супругой фотожурналиста, с точки зрения познания мира, – это очень выгодно!

Но тем не менее: «Хочу в Тунис, и именно теперь!»

Ладно, хорошо. Бо так Бо. Приехали! Ничего особенного, но... пусть. Однако и здесь продолжается начавшийся еще дома кошмар.

«Еда невкусная, люди отвратительные, ко мне плохо относятся, никто меня не любит...»

И это «счастье» продлится – Стивен, плюхнувшись в кресло, растопырил пальцы и начал по одному их загибать – еще, наверное, целых полгода, не меньше. Дженни ведь только на третьем месяце беременности.

Ребенок...

Лицо Стивена сразу смягчилось.

Да, жена невыносима. Дженни никогда не была ангелом, но с этой беременностью она вообще превратилась в фурию – орет с утра до вечера.

И все-таки... малыш или малышка... УЗИ пока что его своенравная Дженни делать отказывается... но ребенок – он живет, развивается... и это такое счастье, что просто сердце замирает... ведь уже казалось, детей у них не будет никогда, и тут вдруг такое чудо...

«Ладно, потерплю. – Стивен подошел к окну. Дженни, умчавшейся неизвестно куда после того, как она осознала, что Ганс и Эмилия невольно подслушали ее хамские характеристики, возле домика по-прежнему не было видно. – Главное – чтобы с ребенком все было в порядке. Попробую относиться с пониманием к истерикам Дженни. В конце концов, ей тоже приходится несладко. Мне сложно представить, что это такое – беременность. Судя по тому, как Дженни тошнит, приятного в этом мало... Но куда же она запропастилась? Ее нет уже больше полутора часов!»

Недовольно хмыкнув (беременность беременностью, но все-таки супруга могла бы и вспомнить, что у нее есть муж и он, между прочим, волнуется!), Стивен похлопал себя по карманам бермудов. Мобильный телефон и карточка-ключ от номера на месте, можно отправляться на поиски Дженни.

Он вышел из домика и задумчиво посмотрел на развилку выложенных белыми камнями дорожек.

Та, что уходит вниз, ведет к морю. Но Дженни вроде бы не самая заядлая любительница послеобеденного солнца.

Если отправиться вперед по боковой тропинке, можно выйти к бассейну и бару. В принципе перекусить его супруга всегда не против, а уж в ее теперешнем положении особенно...

Мысли его оборвались внезапно.

Порыв ветра вдруг подбросил прямо к ногам Стивена голубое парео, принадлежащее его жене.

Узнать его было нетрудно – ведь сбоку на клочке материи, переливавшемся серебристыми пайетками и стразами, был вышит приметный симпатичный дельфинчик. Он сверкал и теперь. Несмотря на огромное кровавое пятно, расплзающееся по голубой ткани...

* * *

– Ты что же, влюбилась в него?

Кристина Дорохова возмущенно покачала головой. И ее отражение в окошечке скайпа с задержкой в долю секунды сделало то же самое.

– Да как ты можешь говорить такую ерунду?! – Она чуть поправила крышку ноутбука, стараясь, чтобы бликующее изображение подруги приобрело хотя бы минимальную отчетливость. – Я... влюбилась в какого-то мальчишку?! Смешно! Дорогая, ты же знаешь, в моей жизни есть только одна любовь – голубая «ванда роял блю»¹¹. А Салах...

Кристина объясняла своей подруге мотивы своего абсолютно безрассудного поступка (отправиться на отдых с первым встречным – судя по всему, с жиголо!) и одновременно радовалась, что ей не приходится прикладывать слишком много усилий для разъяснений.

---

¹¹ Гибрид очень красивой орхидеи, выращиваемой, как правило, без субстрата, с открытой корневой системой.

Обычный человек, не увлекающийся орхидеями, вряд ли понял бы мотивы подобного авантюрного поступка. Решил бы, что женщина, вытворяющая нечто в этом духе, на редкость легкомысленная и безответственная особа. Но это ведь совершенно не так! На работе, в финансово-аналитической компании, готовящей обзоры по текущей экономической ситуации, а также прогнозы дальнейшего развития событий в мире, никто не сомневается: Кристина Дорохова – прекрасный специалист, очень сдержанная, серьезная женщина. И все это – чистая правда. Точнее – часть правды.

Орхидеи – это всегда авантюризм и риск.

Заказанное растение может прийти гнилым. Редкий природный вид в условиях городской квартиры капризничает и не цветет годами. Но все равно любители этих цветов решаются на покупку, рискуют, выигрывают, проигрывают...

Потерпеть неудачу с красотками-орхидеями проще простого. Им ничего не стоит сбросить такие долгожданные, такие многообещающие бутоны. Они могут хорошо цвести и расти годами, чтобы в один день вдруг все их листья пожелтели без всяких видимых причин просто потому, что долгое время на растении развивалась скрытая инфекция.

Красота соседствует со смертью, радость – с горем. Такие «адреналиновые горки» вырабатывают определенную манеру поведения, черты характера.

Какие именно?

Умение легко переносить потери.

Наслаждаться каждым мгновением жизни.

Ценить все происходящее вне зависимости от того, в какой именно цвет окрашено очередное житейское событие: в белый, черный, серый ли.

О, можно было бы страдать из-за ненужных расходов на ненужную поездку, из-за неоправдавшихся надежд увидеть исчезнувшую видовую «блэк черри». И все это время жизнь, прекрасная, неповторимая и уникальная жизнь, проходила бы мимо...

– В общем, я уже слегка отошла от Маринкиных фокусов, – говорила Кристина, наслаждаясь ярким теплым солнышком: его лучи после промозглой московской зимы воспринимались ею как настоящее чудо. – Таксист привез меня в туристическое агентство. Ну как агентство? По нашим московским меркам – подвал какой-то. Но, может, в Африке не стоит особенно к этому придирааться? А у них, в Тунисе, как раз акция протеста проходила. Менеджер мне каталог в руки сунул, кассу закрыл и побежал выражать свою гражданскую позицию. И тут я почувствовала чей-то взгляд... Понимаешь, этот парень, он наблюдал за мной через окно и...

Кристина запнулась, стараясь подобрать максимально точные слова для описания эффектной внешности Салаха.

Высокий рост – около ста восьмидесяти пяти сантиметров.

Тонкое телосложение, мальчишечье, юное, без взрослой мужской основательности мышц.

Светлая одежда подчеркивает его смуглую кожу, и черные волосы, и огромные темнокarie глаза с длинными ресницами. Ресницы, кстати, настолько длинные, что карие глаза при отсутствии прямого освещения вдруг приобретают насыщенно-фиолетовый, черничный оттенок.

Профиль: нос с легкой красивой горбинкой, крупный рот, идеальной белизны зубы.

Лицо Салаха напоминает изысканную, свежую, только-только распутившуюся орхидею...

«Блэк черри»! – пронеслась в ее голове глупая мысль. – Не так уж меня и обманули: в этих местах и правда водится редкий изысканный вид орхидей...»

Он улыбнулся, вошел в агентство и заговорил с ней.

У этого мальчика, как ни странно, оказались отличные манеры. Он виртуозно жонглировал темами светских, ни к чему не обязывающих бесед; намекнул, что мог бы стать отличным

гидом, помочь ей определиться с выбором места отдыха и отеля. В его деликатной, ненавязчивой приветливости, возможно, угадывался профессионализм, но только никак не профессионализм экскурсовода.

От парня «пахло» сексом.

Курортный жиголо?..

Нет, безусловно, личные отношения с таким мальчиком неприемлемы. Интрижки на отдыхе – возможно, унижительные и далеко не бесплатные – это не тот уровень, до которого стоит опускаться. В личном плане игра не стоит свеч совершенно.

И все-таки...

Такое странное предчувствие...

Так можно смотреть на полусгнившую от обильных поливов «камбрию»¹² или «мильтонию»¹³, которые продавщицы цветочного магазина замучили до уценочной стадии, и вдруг *почувствовать*, что через полгода именно этот трупик даст дивные цветы.

Дикое любопытство и азарт... эти эмоции, которые пробудил в ее душе Салах, оказались настолько сильными, что, когда парень предложил ей составить компанию на отдыхе, согласие сорвалось с губ женщины быстро-быстро.

– Знаешь, этот мальчишка сразу сказал: оплатить билеты и отель он пока не может, – продолжала делиться новостями Кристина. – Он обещал мне вернуть деньги позже. Естественно, я ему не поверила. И, может быть, зря. Да, я понимаю: рыться в вещах человека подлю. Но я, в конце концов, придумала для себя чудесное оправдание: я же его совсем не знаю, надо побеспокоиться о своей безопасности и все такое! У мальчишки была с собой сумка, он положил ее в шкаф. Я перепрятала ее за штору, отправилась якобы в душ. Позвонила в ресторан, чтобы в номер принесли воды. Когда постучал официант и Салах пошел открывать дверь, я выбралась из ванной и подхватила его вещички. И там...

Она пододвинула сумку, достала золотое украшение, отделанное сапфирами, изумрудами и бриллиантами, и поднесла его к экрану ноутбука.

Демонстрировать подружке это сокровище, вновь прикасаться к золоту и камням было невероятно приятно.

Казалось, что по всему ее телу побежали электрические разряды, и даже голова слегка закружилась, как от бокала шампанского.

Откуда у Салаха такая дорогая вещь? Наследство его папочки? Или мальчик грабит магазины?

Что он собирается с ним делать? Продать хочет? Интересно, сколько может стоить подобная вещичка?!

На все эти вопросы, конечно, пока нет ответов.

Но можно попытаться их получить.

Или... ни о чем его не спрашивать, а просто прихватить с собой это украшение и убежать?

Воровать, безусловно, нехорошо.

Однако... как же хочется открыть собственный магазинчик орхидей! С большим выбором растений, специально обученными правильному обращению с орхидеями продавцами. А может, денег, вырученных за продажу побрякушки Салаха, хватило бы даже на организацию настоящего питомника вроде Швертера или Элснера? О, это было бы восхитительно – выращивать популярные гибриды, пытаться выводить новые!

Два шага до исполнения этой мечты.

Гадких, гнусных шага.

---

¹² Популярный орхидейный гибрид.

¹³ Распространенный и не самый легкий для содержания орхидейный гибрид.

Но если их сделать, самые ее заветные желания реализуются...

Глава 3

Карфаген, 207 год до н. э.

– Знаешь, Софониба, а я бы не отказалась выйти замуж за Ганнибала. А что, отличный супруг, известный и богатый! В Карфагене он появляется всего раз в несколько лет. Проведет тут зиму, подлечит раны, получит денег на войну от сената – и опять уезжает к своему войску. Уж пару-то месяцев и самого противного мужа можно потерпеть! Зато потом... – Басса, закатив глаза, счастливо улыбается, отчего на ее щеках появляются симпатичные ямочки. – Представляешь, как это здорово – быть женой такого славного полководца! Наверное, его дом – настоящий дворец, где потолок отделан серебром, а вся мебель – из эбенового дерева. Но, конечно, дело не только в том, что жила бы я хорошо и иных забот не знала, кроме как рабам приказания отдавать. Ганнибал – настоящий воин! Да перед ним весь Рим трепещет! Если бы только он взял меня в жены, уж я бы не посмотрела, что Ганнибал старый и на один глаз слепой. Я, может, его даже и полюбила бы за то, что он воюет с Римом. А когда он победит – провезет свою возлюбленную жену по побежденным улицам, и я плюну из роскошных носилок прямо на ворота дома своих бывших хозяев и...

Увлечшись своими мечтаниями, Басса уколола иголкой палец. И сразу же отвела ладонь от вышивки, стараясь, чтобы даже одна-единственная капля крови не появилась на красивом покрывале.

Покрывало расшито золотом, в его центре готовится к прыжку сильный мускулистый леопард – его еще надо вышить. Уже можно угадать контур сжавшегося в комок тела прекрасного животного. Немало дней пришлось ей провести, склонившись с иголкой в руках, над этим роскошным убранством для ложа. А сколько еще предстоит работы...

– А разве ты помнишь своих римских хозяев? – удивилась Софониба, прищурившись.

Вышивка, разложенная на полу, была огромной, она выполнялась сразу с двух сторон – и самой Софонибой, и ее рабыней Бассой. Сбиться при счете стежков хозяйке не хотелось, но поболтать ведь тоже интересно! Поэтому ей приходилось быть очень внимательной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.